

ПОЗИЦИИ И А-ПОЗИЦИИ

УДК 179

DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-74-79

EDN: EDBJQH

И. Н. КАЗАРИНА

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО НЕ УДАЛЯТЬ: К ВОПРОСУ О ПРАВАХ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

В статье рассматривается понятие и область применения дисциплины под названием 'цифровая танатология', которая изучает то, как смерть и умирание продолжают в цифровом пространстве, выходя за пределы физической жизни через сохранение данных, виртуальные мемориалы, чат-боты, системы хранения цифровых следов и останков. Цифровая танатология поднимает важные вопросы о сохранении цифрового наследия после смерти человека, а также онтологические, правовые и этические аспекты обращения с цифровыми останками. Исследуется проект *Augmented Eternity* от MIT, направленный на создание цифровых аватаров, которые могут сохранять личность человека после его физической смерти и продолжать взаимодействие с окружающими. Такая технологическая возможность ставит новые философские вопросы о тождестве личности и значении цифрового бессмертия. Отдельно анализируется утверждение о том, что удаление цифровых останков может трактоваться как вторая смерть, а также моральные обязательства живых перед цифровым наследием умерших.

Ключевые слова: прикладная этика, *death studies*, цифровая танатология, цифровые останки, цифровой двойник, цифровое пространство.

Ноги не поведут меня, и я дойду до финиша.

*О мое сердце! Оно разрывается
от каждого шага, который я делаю.*

*Но я надеюсь, что у ворот мне скажут,
что ты моя.*

Lana Del Rey. «Born to die»

1. Понятие цифровой танатологии. Независимо от нашего происхождения или убеждений, есть то, чего никому из нас не избежать: рано или поздно мы столкнемся с собственной смертью. Смерть является безвозвратным событием, основным и доминирующим экзистенциалом (Sein-Zum-Tode), через

который человек осознает себя [1, с. 235–267; также см.: 2–5]. Смерть представляет собой ключевой элемент в формировании мировосприятия человека и общества на различных этапах их развития. Неизбежность и осознание смерти могут заставить человека переосмыслить или изменить приоритеты, начать более осознанно строить свою жизнь и задуматься о том, что останется после его ухода. Осознание смерти — есть то, что отличает человека от других живых существ.

В рамках исторического процесса общество проходило разные стадии отношения к смерти. Так, например, в работе Филиппа Арьеса *Человек пе-*

ред лицом смерти [6] разбирается понятие смерти с европейского раннего Средневековья, где она понималась как нечто естественное, обыденное, положенное по природе и оттого никого особо не тревожащее событие. Пройдя через ряд этапов осознания смерти, в середине XX века формируется такая область исследований, как *Death Studies* — междисциплинарная область, которая посвящена изучению концепции смерти, умирания и утраты, включая психологию, социологию, антропологию, философию и культурные исследования [7]. *Death Studies* исследует, как люди и общество понимают, переживают и реагируют на смерть, а также как эти отношения и практики развивались с течением времени. Начиная с 70-х гг. XX века в Северной Америке и Европе стали регулярно появляться исследования о смерти, проводятся дискуссии и TED-конференции, привлекающие значительное внимание, на которых тема смерти обсуждалась как нечто естественное и нормальное [8]. Эти изменения происходили одновременно с технологическим прогрессом, который открыл новые перспективы в различных аспектах человеческой жизни, включая отношение к смерти. Цифровизация, набравшая обороты к началу XXI века, породила новые возможности — онлайн банкинг, удаленная работа, умные дома и интернет вещей (IoT) и, конечно же, социальные сети, объединившие миллионы людей по всему свету.

Соцсети стали мостиком плавного и постепенно перехода человечества к цифровому существованию. Однако, как и любой способ существования, особенно человеческого, социальные сети столкнулись с задачей удаления или сохранения аккаунтов людей, которые скончались. Должны ли мы удалять аккаунты умерших? Что такое цифровая смерть? Кто является субъектом скорби в рамках цифровой смерти? Подобные и многие другие вопросы затрагиваются в исследованиях *Death Studies*. Хотя исследования подобного рода и редко когда выходят за пределы узкоспециализированных факультетов университетов, эксперты в вопросах смерти встречаются в самых разных сферах, включая похоронную индустрию, хосписы, юридическое и психологическое консультирование, образование и религию, а также медицину, где они занимают позиции в качестве онкологов, медсестер, психиатров и патологоанатомов.

2. Этика и метафизика цифровой танатологии. В XXI веке возникла цифровая танатология — новая дисциплина, изучающая то, как смерть, умирание и переживание утраты продолжают в цифровом пространстве, выходя за пределы физической смерти через сохранение данных, виртуальные мемориалы и цифровое наследие. Этот феномен отражает изменение восприятия жизни и смерти в эпоху технологий, где цифровое присутствие может пережить человека. Цифровая танатология изучает весь спектр эмоций, чувств, действий, в том числе затрагивает правовые и этические аспекты перехода личности в цифровую сферу.

В 1985 г. в американской компании MIT Media Lab (Кембридж, штат Массачусетс) была начата разработка проекта под названием 'Augmented Eternity' (в переводе — 'дополненная вечность'). Сегодня это уникальное исследование на пересечении искусственного интеллекта (ИИ), цифровой идентичности и концепции цифрового наследия [9]. Идея *Augmented Eternity* заключается в создании цифровых персон (*Swappable Identities*), кото-

рые могут продолжать взаимодействовать, отвечать и даже 'жить' после физической смерти человека.

Эти цифровые персоны создаются на основе массы данных, которые люди генерируют в течение своей жизни, включая электронную переписку, общение в социальных сетях, мультимедийные файлы и другие цифровые взаимодействия (медицинская онлайн карта, опросы и анкеты, фитнес-приложения и др.). Цель проекта — дать этим цифровым персонам возможность действовать на основе личных исторических данных, которые соответствуют личности человека, его ценностям и стилю принятия решений, таким образом, чтобы позволить им участвовать в разговорах и принимать решения, как если бы человек был все еще жив. Эти персоны предназначены для того, чтобы продолжать предлагать идеи и советы после смерти человека, функционируя как виртуальный консультант или сохраненная версия себя, которая взаимодействует с будущими поколениями. Это может оказаться особенно ценным для продолжения профессиональных ролей, предоставления рекомендаций близким или сохранения идей и мыслей влиятельных людей для будущих поколений.

Пример разработки компании MIT Media Lab поднимает важные этические и метафизические вопросы о тождестве, идентичности, конфиденциальности и способах существования в цифровую эпоху, выводит на передний край вопросы осмысления того, как может развиваться цифровая танатология, как будет расширено присутствие человека в виртуальной форме. В 2013 г. вышел второй сезон сериала *Черное зеркало*. В первой серии под названием 'Я скоро вернусь' рассказывается история беременной женщины, потерявшей мужа. Не в силах смириться с его смертью, она переносит все цифровые данные и воспоминания о нем в интерактивную модель, созданную на основе программного обеспечения для 3D-аватара. Парадоксально, но иногда кинофильмы и сериалы становятся пророческими, и вот уже на наших глазах технологии достигли заметного прогресса в разработке концепции цифровых аватаров. Эти сущности, созданные ИИ, используют огромные объемы персональных данных (электронная переписка, активность в социальных сетях, записанные разговоры и видео) для имитации личности умершего. Аватары могут продолжать общаться с близкими, предлагая подобие взаимодействия с человеком, который умер. Это одна из развивающихся тенденций цифровой танатологии, цель которой состоит в создании постоянного, интерактивного присутствия, которое отражает сущность человека долгое время после его смерти.

Если в цифровом поле уже присутствуют цифровые персоны (кибер-личности), то какого рода обязательства возникают перед ними у людей, пока продолжающих жить в реальном (физическом) мире?

Перед тем, как ответить на вопрос, определим следующие ключевые понятия:

Моральный агент — физическое лицо, у которого есть права и обязательства перед другими существами.

Цифровые останки (*digital remains*) — цифровые следы или онлайн-данные, которые человек оставляет после своей смерти. Они могут включать: профили в социальных сетях (сами профили, лайки, комментарии, онлайн-форумы и сообщества); электронную переписку и цифровые записи про-

фессиональной деятельности (видеоконференции, онлайн-совещания); мультимедийные файлы (фотографии, видео, музыкальные плейлисты); покупки и транзакции, включая онлайн банкинг, на личных устройствах и приложениях (фитнес-трекеры, умные часы, геолокации и прочие записи в приложениях смартфона); медицинские электронные карты и любые другие формы данных или контента, созданные человеком в течение его жизни. С этими цифровыми останками можно активно взаимодействовать, сохранять, управлять, продолжать вести от имени или по указаниям умершего.

В своей статье 2015 г. *Deletion as Second Death: The Moral Status of Digital Remains* [10] Патрик Стоукс изучает концепцию цифровых останков, которые относятся к цифровым артефактам, оставленным людьми в социальных сетях и других онлайн-платформах после их смерти. Он обсуждает метафизические и этические вопросы, связанные с тем, как мы можем обращаться с этими цифровыми останками. Один из центральных проблемных пунктов этого обсуждения заключается в том, является ли удаление этих цифровых останков 'второй смертью' для умершего, поскольку это подразумевает стирание их присутствия из цифрового мира. Стоукса интересует вопрос: существует ли у нас, как у моральных агентов, обязательство сохранять этот вид цифровых останков? Стоукс утверждает, что цифровые останки могут служить способом сохранения памяти и личности умершего, делая их объектами морального долга с нашей стороны. Он считает, что удаление этих данных может навредить умершему, так как сотрет его цифровое присутствие, важное для тех, кто его помнит.

Рассмотрим концепцию 'удаление как вторая смерть' через ее психологические аспекты, которые могут быть связаны либо с бесконечным продлением своего рода квазисуществования личности умершего в цифровых останках, либо с непривычной и несвойственной человеческой сущности ситуацией пролонгации жизни за пределы ее фактического физического существования. В первом случае постоянное присутствие цифровых останков умершего человека может осложнить близким стадий принятия неизбежного. Об этих стадиях мы знаем из работ американского психолога Элизабет Кюблер-Росс [11]. В них она дает описание того, как человек переживает утрату, сильный стресс или другие трудные обстоятельства, как этап за этапом проходит такие стадии переживания, как отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. Очевидно, что цифровые останки, и в особенности созданные на их основе 3D-аватар, не дадут процессу переживания утраты естественного завершения. Но почему это так? Простая фотография умершего, постоянно находящаяся на видном месте, представляет собой статичный, немой образ, лишенный динамики и способности к взаимодействию. В отличие от фотографии, которая не обладает возможностью воспроизводить речь или реагировать на внешние стимулы, 3D-аватар с интегрированными цифровыми данными предоставляет интерактивную форму присутствия. Фотография остается лишь плоским отображением человека, запечатленным на плотной бумаге, тогда как цифровой аватар, наполненный информацией о личности, способен вступать в более иммерсивное и, условно говоря, 'интенциональное' взаимодействие с окружающими. Такой аватар может, например, симулировать диалог, предоставлять советы или сохранять элементы индивидуаль-

ности умершего, что делает его интерактивным субъектом общения с родственниками, друзьями или коллегами, в отличие от простой фотографии. Легко представить, что потерявшая маленького сына мать готова на все для его возвращения. И в этом случае цифровой аватар умершего ребенка не позволит матери принять и осознать произошедшее, а только облегчит (возможно лишь на некоторое время) страдания. Таким образом, знание того, что наше цифровое присутствие переживет наше физическое, может вселять в некоторых людей тревогу цифрового бессмертия и заставлять их взаимодействовать с цифровыми носителями с осторожностью и даже страхом. С другой стороны, одной из фундаментальных биологических характеристик человека на протяжении всего его существования является и остается его смертность. Психические, физические и эмоциональные состояния человека тесно связаны с осознанием своей смертности. Цифровое бессмертие, предлагая возможность существовать 'вечно' в цифровой форме, может нанести ущерб психике, так как оно противоречит пониманию конечности человеческой природы. Возвращаясь к книге *Человек перед лицом смерти* Филиппа Арьеса, напомним, что в раннем Средневековье грань между живым и неживым практически не существовала, и смерть воспринималась легко и естественно. В наши дни жизнь считается фундаментальной ценностью и есть исследования, что человек генетически и психологически не приспособлен к идее вечного существования, это может вызывать серьезные внутренние конфликты и тревоги [12; 13]. Генетически — поскольку эволюция не предусматривает бессмертия, так как естественный отбор благоприятствует признакам, влияющим на репродуктивный успех и на выживаемость, а не на долголетие. Психологически — по причине того, что человеческий разум за годы развития создал и поддерживает механизмы существования в цикле 'жизнь-смерть', а экзистенциальная ценность нашего опыта заключается в его конечности. Цифровое бессмертие, напротив, разрушило бы осмысленную структуру жизни, что привело бы к психологическим проблемам, таким как скука, отчуждение и чувство бессмысленности [14].

Рассмотрим *онтологический* аспект концепции 'удаления как второй смерти'. Сохранение цифровых останков бросает вызов нашему традиционному пониманию границ между жизнью и смертью, поскольку цифровое присутствие человека может длиться бесконечно, создавая форму цифрового существования. Оно ставит перед нами метафизический вопрос о том, что значит *быть* в мире, где цифровые останки продолжают представлять личность, стирая грань между *физическим существованием* и *цифровым сохранением*. Каков метафизический статус самих этих цифровых останков? Это просто накопленные исторические факты или это форма существования личности? Тот же вопрос можно задать к концепции памяти, тождества, идентичности и цифрового наследия, ведь цифровые останки могут продлить существование человека в квази-пространстве, исказив при этом его прошлую живую физическую сущность и увековечив в пост-человеческом мире уже иную личность. Если наше существование продлевается в интернет-пространство, то и удаление цифровых артефактов возможно будет рассматривать как завершение онлайн-бытия, финал нашего существования — циф-

ровую смерть. Такое положение дел полностью подтверждало бы тезис Патрика Стоукса, что стирание присутствия личности в цифровом поле должно нами приравняться к его второй смерти.

Рассмотрим *правовые* аспекты удаления цифровых останков. В настоящее время личная информация, оставляемая в сети, часто остается вне контроля, то же касается и цифрового следа, который человек оставляет в интернете. В киберпространстве проблема бесконтрольного создания контента сохраняется даже после смерти владельца. Например, чат-боты могут сгенерировать контент от имени умершего. Согласно статье 1112 Гражданского кодекса РФ, в состав наследства входят вещи и имущественные права умершего, но в него не включаются права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, а также личные неимущественные права и другие нематериальные блага. Таким образом, цифровые останки, являясь нематериальными активами, не подлежат наследованию.

В заключение рассмотрим этические аспекты концепции 'удаления как второй смерти'. Стоукс со ссылкой на современного американского философа, профессора биоэтики и автора работы по философии морали и этики Джеффри Блюстейна, приводит аргумент 'спасения от незначительности' (rescue from insignificance) [15, p. 275]. Ключевая идея данного аргумента заключается в том, что даже после смерти человека мы обязаны уважать его память, сохраняя его цифровые останки (записи, фотографии и прочие артефакты) ради того, чтобы они не забылись и не потеряли значения. Любой человек ценен сам по себе, пишет Блюстейн, и эта ценность даже после смерти должна спасти его от забвения, стирания, от исчезновения из памяти других, то есть от 'незначительности'. Сохраняя память об умершем человеке в форме его цифровых останков, мы поддерживаем значимость его жизни и истории. Продолжающие жить выполняют свой этический долг и сохраняют социальную идентичность через поддержание цифровых останков значимого для себя умершего.

После краткого рассмотрения возможных последствий 'стирания' личности из цифрового пространства возникает естественный вопрос о том, не следует ли нам уже сегодня взять под контроль цифровые следы нашей жизни и стать авторами собственных историй после своего физического ухода? Возможно, уже сегодня стоит начать задумываться над тем, что наши цифровые останки расскажут родным и близким после нашего ухода. Но каким образом мы можем это сделать? Я думаю, что для этого нам как минимум следует предпринять следующие шаги:

— периодически проводить аудит своих цифровых следов, удалять ненужные, сохранять и определять важность имеющихся цифровых активов, которые можно в дальнейшем передать в наследство;

— изучить платформы, которые предлагают функции управления учетными записями после смерти. Например, Google предлагает настроить Inactive Account Manager — механизм, который позволяет определить, что делать с вашим аккаунтом после определенного периода неактивности;

— назначить цифрового 'наследника' и составить план управления своей цифровой собственностью (и при необходимости регулярно его пересматривать).

Таким образом, после того как наши физические останки будут похоронены, цифровые остан-

ки станут историей, которую можно будет рассказать последующим поколениям, бизнес-партнерам и другим значимым группам и людям.

Вопрос 'Является ли удаление цифровых останков людей их второй смертью?' все еще открыт к осмыслению. Мы рассмотрели лишь некоторые психологические, онтологические, правовые и этические аспекты этого вопроса, делая это с оглядкой на ограниченность традиционных представлений о жизни и смерти. Размышления о том, можем ли мы существовать неопределенно долго благодаря своим цифровым останкам, открывают новые метафизические и этические горизонты для дискуссии. Важно помнить, что контроль над своими цифровыми следами — это не только право, но и обязанность каждого из нас. Уже сейчас нам следует принять стратегические решения о том, как бы мы хотели быть представлены в виртуальном пространстве будущего.

Мы стоим на пороге новой реальности, где концепции жизни, смерти, памяти и наследия приобретают неожиданные значения в условиях постоянной цифровизации. В конечном счете именно наше осознанное отношение к собственным цифровым останкам способно помочь нам определить, что значит быть человеком в современном мире.

Список источников

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библикина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с. ISBN 5-88059-021-6.
2. Thomson I. D. Death and Demise in Being and Time // The Cambridge Companion to Heidegger's Being and Time / Ed. M. Wrathall. New York: Cambridge University Press, 2013. P. 260–290. ISBN 978-0-521-89595-8.
3. Niederhauser J. A. Heidegger on Death and Being: An Answer to the Seinsfrage. Cham: Springer, 2021. 269 p. ISBN 978-3-030-51374-0.
4. Tanzer M. Heidegger on Death as a Deficient Mode // Continental Philosophy Review. 2022. Vol. 55, № 1. P. 19–33. DOI: 10.1007/s11007-021-09551-y.
5. Thomson I. D. Rethinking Death in and after Heidegger. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 328 p. ISBN 978-1-009-48008-6.
6. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / пер. с фр. В. К. Ронина. Москва: Издат. группа «Прогресс», 1992. 528 с. ISBN 5-01-003636-3.
7. Еремеева С. А. То, о чем молчим... Почему death studies не популярны в современной России? // Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 32–51. EDN: WHLJQF.
8. Еремеева С. А. 'Death studies' — разговор о жизни и о будущем // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 4. С. 237–242. DOI: 10.18522/2500-3224-2016-4-237-242.
9. Augmented Eternity and Swappable Identities. URL: <https://www.media.mit.edu/projects/augmented-eternity/overview/> (дата обращения: 17.10.2024).
10. Stokes P. Deletion as Second Death: The Moral Status of Digital Remains // Ethics and Information Technology. 2015. Vol. 17, № 4. P. 237–248. DOI: 10.1007/s10676-015-9379-4.
11. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании / пер. с англ. Москва: Корвет, 2016. 294 с. ISBN 978-5-7312-0356-2.
12. Döbler N. A., Carbon C.-C. Adapting Ourselves, Instead of the Environment: An Inquiry into Human Enhancement for Function and Beyond // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2024. Vol. 58, № 2. P. 589–637. DOI: 10.1007/s12124-023-09797-6.
13. Irving M. Why Haven't We Evolved Immortality? The Answer Is in Our Genes. 2017. URL: <https://newatlas.com/evolution-immortality-genes/51392/> (дата обращения: 17.10.2024).

14. Williams B. The Makropulos Case: Reflections on the Tedium of Immortality // Problems of the Self: Philosophical Papers 1956–1972. Cambridge University Press, 1973. P. 82–100.

15. Blustein J. The Moral Demands of Memory. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 372 p. ISBN 978-0-521-88330-6.

КАЗАРИНА Ирина Николаевна, магистрант гр. 242М философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва.

Адрес для переписки: Kazarina@hotmail.com

Для цитирования

Казарина И. Н. Обязательство не удалять: к вопросу о правах цифровой личности после смерти // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 1. С. 74–79. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-74-79. EDN: EDBJQH.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024 г.

© **И. Н. Казарина**

DUTY NOT TO DELETE: TOWARDS THE QUESTION OF THE RIGHTS OF THE DIGITAL PERSON AFTER DEATH

The article examines the concept and scope of a discipline called 'digital thanatology', which explores how death and dying continue in digital space, transcending physical life through data preservation, virtual memorials, chatbots, digital trace and remains storage systems. Digital thanatology prompts consideration of the long-term preservation of digital legacies after human death, as well as the ontological, legal, and ethical implications of managing digital remains. There are explored Augmented Eternity project of MIT, which aims to create digital avatars that can preserve a person's identity after physical death and continue to interact with others. This technological possibility raises new philosophical questions about personal identity and the concept of digital immortality. The claim that the removal of digital remains can be interpreted as a second death is analyzed separately, as well as the moral obligations of the living to the digital legacy of the dead.

Keywords: applied ethics, death studies, digital thanatology, digital remains, digital twin, digital space.

References

1. Heidegger M. *Bytiye i vremya* [Being and Time] / trans. from Germ. by V. V. Bibikhin. Moscow, 1997. 452 p. ISBN 5-88059-021-6. (In Russ.).
2. Thomson I. D. Death and demise in Being and Time // *The Cambridge Companion to Heidegger's Being and Time* / Ed. M. Wrathall. New York: Cambridge University Press, 2013. P. 260–290. ISBN 978-0-521-89595-8. (In Engl.).
3. Niederhauser J. A. Heidegger on death and being: An answer to the Seinsfrage. Cham: Springer, 2021. 269 p. ISBN 978-3-030-51374-0. (In Engl.).
4. Tanzer M. Heidegger on death as a deficient mode. *Continental Philosophy Review*. 2022. Vol. 55, no. 1. P. 19–33. DOI: 10.1007/s11007-021-09551-y. (In Engl.).
5. Thomson I. D. Rethinking death in and after Heidegger. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 328 p. ISBN 978-1-009-48008-6. (In Engl.).
6. Aries F. *Chelovek pered litsom smerti* [Man facing Death] / trans. from Fr. by V. K. Ronin. Moscow, 1992. 528 p. ISBN 5-01-003636-3. (In Russ.).
7. Eremeyeva S. A. To, o chem molchim... Pochemu death studies ne populyarny v sovremennoy Rossii? [Meaning of silence... why death studies aren't popular in modern Russia?]. *Arkheologiya russkoy smerti. Archeology of Russian Death*. 2015. no. 1. P. 32–51. EDN: WHLJQF. (In Russ.).
8. Eremeyeva S. A. 'Death studies' — razgovor o zhizni i o budushchem [«Death studies» — a conversation about life and future]. *Novoe proshloe. The New Past*. 2016. No. 4. P. 237–242. DOI: 10.18522/2500-3224-2016-4-237-242. (In Russ.).
9. Augmented Eternity and Swappable Identities. URL: <https://www.media.mit.edu/projects/augmented-eternity/overview/> (accessed: 17.10.2024).
10. Stokes P. Deletion as second death: the moral status of digital remains. *Ethics and Information Technology*. 2015. Vol. 17. no. 4. P. 237–248. DOI: 10.1007/s10676-015-9379-4. (In Engl.).

11. Kübler-Ross E. O smerti i umiranii [On death and dying] / trans. from Engl. Moscow, 2016. 294 p. ISBN 978-5-7312-0356-2. (In Engl.).
12. Döbler N. A., Carbon C.-C. Adapting ourselves, instead of the environment: an inquiry into human enhancement for function and beyond. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2024. Vol. 58. no. 2. P. 589–637. DOI: 10.1007/s12124-023-09797-6. (In Engl.).
13. Irving M. Why haven't we evolved immortality? The answer is in our genes. 2017. URL: <https://newatlas.com/evolution-immortality-genes/51392/> (accessed: 17.10.2024). (In Engl.).
14. Williams B. The Makropulos case: reflections on the tedium of immortality. *Problems of the Self: Philosophical Papers*. 1956–1972. Cambridge University Press, 1973. P. 82–100. (In Engl.).
15. Blustein J. The moral demands of memory. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 372 p. ISBN 978-0-521-88330-6. (In Engl.).

KAZARINA Irina Nikolaevna, Undergraduate at gr. 242M of the Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow.
Correspondence address: Kazarina@hotmail.com

For citations

Kazarina I. N. Duty not to delete: towards the question of the rights of the digital person after death. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 1. P. 74–79. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-1-74-79. EDN: EDBJQH.

Received October 22, 2024.

© I. N. Kazarina